

Андрей Возьянов

Впечатления о Первой международной конференции «Universal Design»

Кажется, нечасто место события бывает столь показательным, как в случае с конференцией «Universal Design. Public space: Inspire, Challenge, and Empower». Она была посвящена проблемам людей с ограниченными возможностями в условиях города и проходила в пригороде Осло — Лиллестрёме — с 11 по 13 июня 2012 г.¹ Несмотря на присутствие слова «universal» в заголовке, происходящее здесь часто напоминало о том, что мы находимся в одной из самых благополучных стран с развитой и многосторонней социальной политикой. Рискну предположить, что многие из затронутых на конференции тем сегодня не рассматриваются так подробно обществом в большинстве государств мира. В Лиллестрёме собрались исследователи, создатели и пользователи городских пространств и технологий из стран Америки, Азии, Европы, Австралии; при этом более половины участников представляли Норвегию. Вести этнографические наблюдения конференции иногда было не менее интересно, чем слушать выступления докладчиков. Организаторы старались подобрать физическое пространство

Андрей Григорьевич Возьянов
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
avozyanov@eu.spb.ru

¹ Выражаю огромную благодарность Совету министров Северных стран (в особенности Марии Диановой), а также Юлии Колесовой (Санкт-Петербургский государственный университет), которые сделали возможным мое участие в конференции.

конференции в соответствии с ее концептуальным ядром. Место проведения конференции — конгресс-отель «Тһон» — было оборудовано рампами, а в холле висело объявление с просьбой не пользоваться парфюмом с целью «дать возможность дышать всем» (здесь стоит сделать примечание: аллергия также входила в перечень объектов интереса конференции — ей было посвящено несколько стендов на экспозиции постеров). Соответствующей была форма подачи докладов: речь говорящего дублировалась сурдопереводом и текстом на экране, а лицо говорящего показывали крупным планом — так, чтобы можно было считать движения его губ. В кулуарах коллеги из разных стран обменивались визитками, где присутствовали надписи, читаемые по системе Брайля, те же, у кого на визитке такой надписи не было, виновато извинялись.

В то же время общая направленность конференции может быть признана важной не только в рамках узкой специальности, но и вообще в рамках городской тематики — с точки зрения usability обсуждались сферы инфраструктуры общего пользования: жилые и служебные строения, элементы уличного пространства, общественный транспорт и различные технологии. Предмет разговора был не то чтобы новым, но по крайней мере по-новому сформулированным. За какое-то время до конференции участникам был разослан программный доклад **Сёрена Гиннеруп (Søren Ginnerup)** «Achieving full participation through

Universal Design» — видимо, он был призван прояснить значение термина, давшего название событию. Судя по тексту, авторы (и, если угодно, популяризаторы) термина попытались свести к общему знаменателю основные тезисы, значимые для disability studies, социальной работы и городского проектирования, ориентированных на пользователя. В тексте описывались основные принципы, методы, технологии универсального дизайна, а также приводились конкретные примеры достигнутых успехов и назывались направления предстоящей работы. Универсальный дизайн (UD) определен здесь как «стратегия создания сред, продуктов, коммуникационных и информационных технологий и сервисов максимально доступными для всех и, предпочтительно, не требующими адаптации или специальных решений (как следует из дальнейшего текста, в частности, для людей с ограниченными возможностями (“disabilities”) — прим. авт.)» (с. 7 доклада Гиннеруп).

Центральный сюжет, вокруг которого выстраивались риторика и аргументация в открывающей и завершающей сессиях, общих для конференции, — конструирование нормы и отклонения. Нужно сразу уточнить, что работа конференции изначально была вписана в гуманистическую парадигму и не претендовала на беспристрастность: еще во вступительной речи «эмблемой» мероприятия была объявлена антидискриминация. Одним из обсуждаемых понятий стали «права человека». Как отметила **Эли Кнёсен (Eli Knøsen)**, «права человека» — лишь часть объекта внимания конференции. Понимание универсального дизайна включает и вопросы материальных ресурсов, и специальные знания, и социальные отношения (в особенности те, что связаны с неравенством). По мнению докладчицы, люди с ограниченными возможностями — жертвы не медикализации, а социальной дискриминации. Барьеры, которыми изобилует город, имеют социальное происхождение; европейские города строились до того, как люди стали задумываться о всеобщей доступности, т.е. обладали определенной нормой, и потребности некоторых категорий горожан в эту норму не входили. Нынешние преобразования являются не приспособлением городской инфраструктуры под кого-то, а лишь исправлением ошибки прошлого — т.е. не-всеобщей доступности. Консул Европы **Торстен Аффлербах (Thorsten Afflerbach)** продолжил эту линию, предложив вместо нормы и отклонения говорить просто о «множестве разных людей». **Марша Мазз (Marsha K. Mazz)** назвала универсальный дизайн следующим шагом развития городского пространства после обеспечения минимальных потребностей, который требует креативности, в том числе экономической. Неуниверсальные интерфейсы оказываются дороже в долгосрочной перспективе;

построение универсальных, таким образом, оказывается не благотворительностью, а инвестициями.

Как это всегда бывает на больших конференциях, неизбежно приходилось выбирать между параллельно идущими секциями; мой выбор пал на темы, связанные с транспортом и архитектурой (секции «Travel Chain» и «Building»). Другие секции были посвящены информационным и коммуникационным технологиям (ICT), системам/политикам стандартизации (Policies), уличному пространству (Outdoor). При этом доклады на секциях также объединялись тематически в рамках каждого дня и все же были очень разноплановыми.

Заметную часть докладов составили презентации полевых проектов. Так, **Фарназ Никпур (Farnaz Nickpour)** рассказала об исследовании, где для всех заинтересованных сторон (stakeholders) транспортного обслуживания с конфликтующими (или несовпадающими) интересами устраивались фокус-группы и предлагался «мозговой штурм» на тему возможных форм взаимопомощи. На материале фокус-групп автор проекта показала взаимосвязь и быстрое переключение социальных и психологических мотиваций (и объяснительных моделей) в поведении исследуемых людей. В этом же докладе содержались (этно)методологические замечания о том, как исследователи сами пытались преодолеть на инвалидной коляске маршруты, с которыми работали. Аудиторией была высказана мысль (звучавшая потом еще не раз) о том, что в таком методе тоже кроется опасность — для людей с многолетним опытом передвижения на коляске многие барьеры могут уже не быть препятствиями: они учатся их преодолевать так же, как и ходячие люди. **Кариенн Ормсет (Karienne Ormseth)** представила работающую в Осло систему транспортной навигации «Trafikanten». Впечатляло постоянно растущее количество опций этой системы, которые предоставляли все более детальную информацию о транспорте (наличие пандусов, длина или число вагонов, степень заполнения салона в прибывающем транспортном средстве).

Многие представленные работы балансировали на грани между исследованием и социальным проектом. Это можно сказать и о коллективном мини-исследовании «Пожилой возраст в Лиллестрёме» («Ageing in Lillestrøm»), под презентацию которого была выделена отдельная секция. Полевая часть проекта была посвящена местам досуга пожилого населения Лиллестрёма. Студенты из Норвегии и Италии два дня собирали материал о месте, а в конце устроили для участников исследования встречу на манер клуба читателей с обменом книгами, мнениями и рекомендациями («book-sharing»), предложив этот

вид активности в качестве новой формы регулярного общения и совместного времяпрепровождения. Сами участники этого проекта рассматривали пожилой возраст как культурный феномен, обобщающий стимулы для UD. Они охарактеризовали несколько подходов к старению, расположив их последовательно и приводя для каждого модель включения пожилого человека в общество: медицинский подход сопровождается эмпатией (empathy), социальный — сопереживанием (sympathy), культурный подход, по мнению докладчиков, подходящий им на смену, означает партнерство (partnership).

Менее многочисленны были методологические доклады, где обсуждались индикаторы и графические матрицы для анализа собранных данных (**Liv Øvstedal**) или методики тестирования на предмет толерантности системы к ошибке (**Kayoko Matsubara**). **Стивен Ле Моан (Steven Le Moan)** рассказал о разработанном его исследовательской группой симуляторе болезней зрения. При помощи компьютерного моделирования он позволяет посмотреть на мир глазами человека с заболеваниями зрения, прочувствовать те дефекты/особенности, которые обуславливают его восприятие мира.

Для многих дискуссий на конференции было характерно то, что хочется назвать смешением эмной и этной перспектив. В докладе об организации данных в публичных пространствах (**Aina Olsen**) был озвучен один из сложных и интересных вопросов: как определить «надлежащее» количество информации, «упаковываемой» в универсальный дизайн? Как опознать «избыточные» данные? **Стивен Ландау (Steven Landau)**, автор доклада, представлявшего интерактивные мультисенсорные интерфейсы для людей с ограниченными возможностями, предложил свой однозначный вариант ответа на эти вопросы: в мире универсального дизайна всякая информация должна быть доступна максимальным количеством способов. От аудитории последовало несколько вопросов (в том числе от незрячего участника, а также от меня). Задумывался ли докладчик о потребности в интерфейсах, где степень интенсивности, «многоканальности» восприятия могла бы регулироваться пользователем? Что думают потенциальные пользователи? Ландау ответил, что избыточной информации нет, а те, кто отрицает это, ошибаются. Могут ли они желать другого, нежели «максимально насыщенный данными» интерфейс, — коллега назвал это «вопросом философии». Доводя идею до абсурда, хотелось даже спросить: что произойдет с медийно-специфичными жанрами в мире универсального дизайна — может ли в нем быть радио, если есть глухие? В контексте мероприятия «экспертный» дискурс, пожалуй, воспринимался в качестве старой школы. Но на конференции был широко представлен

и другой подход, подразумевающий соучастие, сотрудничество с пользователем на этапе разработки. Так, **Марьолейн Де Йонг (Marjolein De Jong)** в своем докладе о методах оценки качества общественного транспорта отметила: нам нужны не отличные автобусы, а автобусы, на которых люди захотят ездить.

Еще одной формой работы на конференции стали мастерские (workshops). В одной из них — «ICT: Memory impairments», модератор **Риитта Хеллман (Riitta Hellman)**, — участникам предлагалось усовершенствовать методики адаптации людей с болезнью Альцгеймера на разных стадиях. Здесь обращалось внимание на сложности градации, которую приходится применять при разработке таких методик; этические проблемы при определении «правильного» или «неправильного» поведения.

Одной из наиболее интересных частей конференции оказались полевые экскурсии. Темой одной из двух таких «вылазок» в город, которую проводили норвежские специалисты городских транспортных служб, стала инфраструктура общественного транспорта. Здесь восприятию антрополога открывалась вдвойне интересная перспектива. С одной стороны, обустройство уличного пространства и работы транспорта европейской столицы значительно отличается от российских городов; с другой — подробные комментарии специалистов сделали понятной и показательной историю этого обустройства. Еще по пути из Лиллестрёма в Осло наши «экскурсоводы» рассказали о сложной технической эволюции моделей норвежских поездов, в частности о появлении откидных ступенек, свободных от сидений площадок у окна, позволяющих разным категориям людей с ограниченными возможностями передвигаться по стране.

За 11 минут электропоезд доставил участников полевой поездки из пригорода на центральный вокзал Осло — крупнейший в Норвегии транспортный хаб, где системой переходов соединены остановки пригородных электричек и поездов дальнего следования, трамваев и автобусов, а также столичного метрополитена. Для того чтобы ориентироваться в такой запутанной системе, необходима понятная навигация. И норвежские специалисты методом проб и ошибок модифицировали ее так, чтобы люди на инвалидных колясках, преклонного возраста или с нарушениями зрения могли найти и преодолеть свой путь. Постепенно внедрялись тактильные карты, автоматы с электронными голосами, ramпы и пандусы. Выяснялась значимость совсем не заметных для большинства деталей: скорости движения эскалатора, угла наклона ramпы, размера зазора между полом трамвая и остановочной платформой. Не было упущено и то, что автоответчик называет ближайшие по времени поезда, начиная с тех, которые отправляются через одну

минуту, — однако эта информация не может быть полезна человеку на инвалидной коляске или с палочкой/собакой-проводником. Был показан пример того, как в дизайн салона интегрируются пожелания и привычки жителей Осло. Так, зарубежные проектировщики сохранили схему рассадки из старых норвежских вагонов метро — «трое напротив двоих»: именно такая конфигурация позволяет никому не вставать для того, чтобы выпустить сидящего у окна. И в докладах, и во время полевых «вылазок» отмечался тот факт, что изменения инфраструктуры, поводом для которых послужили потребности disabled persons, зачастую оказываются востребованы всеми: например, многие предпочитают пандусы лестницам.

Вторая полевая поездка — с архитектурным уклоном — включала посещение детского сада, школы и жилого района, спроектированного по правилам универсального дизайна. Здесь результаты проектирования были менее видны, поскольку большая их часть находилась внутри домов (участники поездки провели только на придомовую территорию (outdoor area)). Зато, к примеру, можно было увидеть пандус, сходящий в озеро и позволяющий купаться людям на колясках. Инфраструктура, обычно оказывающаяся «черным ящиком» (black box — на языке Бруно Латура) и замечаемая только в случае нарушений ее работы, здесь находилась в фокусе внимания. Мне, пожалуй, не хватало на конференции языка акторно-сетевой теории, изначально приспособленного для описания взаимодействий с материальной средой. К этому располагали, как мне кажется, и разговоры о «невидимости» исправной инфраструктуры, и звучавшее не раз выражение «human-street interaction» («взаимодействие человека и улицы»), и модели «сред, поддерживающих людей», со ссылками на пионеров кибернетики — Винера и Паска (**Robert Erlandson**).

Заключительная сессия была довольно показательной в отношении всей конференции, в том числе в деталях, не бесспорных для придирчивого исследователя. Одной из таких черт стала эклектичность концептуальных рамок (что, в общем-то, было вполне оправдано форматом конференции, но все же привлекало внимание). На конференции часто говорили о междисциплинарном характере проблемы, но я бы назвал стиль разговора «интердискурсивным» — в одном ряду при аргументации могли приводиться ссылки на Аристотеля, Генри Форда и Фила Кросби (как у Marjolein De Jong). Употреблялось выражение «гуманистическая академическая наука»; к ней, в частности, отнесли Ханну Арендт, описавшую «право на обладание правами». Использовалось немалое число аксиоматичных утверждений, вроде того, что люди с ограниченными возможностями нуждаются в объединении в сообщество, или

обоснование тезисов через нормы закона, впрочем, с признанием того, что «универсальный дизайн» — это оценочный концепт (**Inger Marie Lid**).

Некоторые выступавшие оперировали исключительно цифрами, относящимися к Европе и Северной Америке, и это фоновое, имплицитное присутствие европейского (или даже скандинавского) контекста не осталось незамеченным: говорили, что основные принципы универсального дизайна на сегодняшний день нерелевантны для большинства человечества (**Singanapalli Balaram**), что «универсальный дизайн» — западный, по сути, концепт; взамен него предлагался «инклюзивный дизайн» («inclusive design», **Hua Dong**). Здесь же была высказана идея, несколько расходившаяся с общим посылом большинства докладчиков: полностью избавленный от барьеров дизайн создает еще больше препятствий («Poor barrier-free design creates more obstacles»).

Одним из итоговых стало выступление **Пер-Улафа Хедволла (Per-Olof Hedvall)** «I have never been universal». Докладчик начал с того, что особые нужды не являются «особыми» (и это перекликалось со сказанным на секциях, например, о необходимости вывести «специальные места» из разряда специальных). Перспективы универсального дизайна видятся скорее в массовом социальном вовлечении в проблемы людей с ограниченными возможностями, чем в совершенствовании экспертного знания: «Больше участия, меньше разговоров о дверях. Они не могут быть одновременно широкими и узкими, высокими и низкими, как того иногда требует “универсальность”». Исследовать «удобство использования» («usability») необходимо в связке с «опытом пользователя» («user experience») — в этой аналитической конструкции Хедволла мне видится обобщение многих интересных мыслей, выраженных на конференции.

Если допустить, что на первой конференции устанавливались правила разговора о теме, если не новой, то определенно развивающейся и непростой, то, кажется, эту задачу участникам решить удалось. А значит, возможно, что продолжение (анонсированное на 2014 г. и вновь на территории Скандинавии — Лунд, Швеция) состоится на понятном, богатом на детали и тонкие аспекты языке.

Официальный сайт конференции: <<http://www.ud2012.no/home.cfm>>.